

Екатерина Вячеславовна Биричева

кандидат философских наук,
научный сотрудник сектора истории философии
и науки, старший преподаватель кафедры философии
Центра подготовки кадров высшей квалификации
Института философии и права УрО РАН,
г. Екатеринбург, Россия. Email: e.v.biricheva@mail.ru
ORCID ID: 0000-0003-1933-9955

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ НЕВОЗМОЖНОСТИ КОРРУПЦИИ

В статье осмысляется проблема фундаментальных оснований, которые могли бы стать надежной опорой в противостоянии феномену коррупции. Предлагается рассмотреть экзистенциальный уровень поступков, принятия решений, совершения выбора, поскольку они имеют место в личностном пространстве ценностных ориентиров и внутренних нравственных требований индивида. Для анализа причин совершения противоправных и этически неприемлемых поступков вводится понятие *внутреннего Другого*, со-относящей структуры человеческого восприятия, ответственной за рефлексию в целом и за оценку собственных действий в частности. Ставятся вопросы о том, как работает данная внутренняя контролирующая инстанция, почему не у всех людей она эффективна и каким образом можно способствовать ее продуктивному функционированию. Обнаруживается, что исходя из предельных экзистенциальных оснований формируются типы *внутреннего Другого* и выстраиваются способы бытия, которые в разных культурах различаются. Осмысляются особенности переживания угрозы небытия и способа экзистенциального противостояния ей в отечественной культуре. Делается вывод о радикальных различиях оснований культурных традиций в сфере осуществления людьми социально значимых поступков, в связи с чем поднимается проблема «рождения» законов, имманентных отечественной культуре, в противоположность копированию западных норм. Раскрываются глубинные механизмы, которые, при внешнем сходстве систем с западными, обуславливают распространение коррупции на отечественной почве в силу возможностей ее культурных кодов, открывающихся для смещения ценностных полюсов. Поскольку каждый усваивает данные коды через язык и среду социокультурных связей с детства, предполагается, что наиболее продуктивной, хотя и долгосрочной, стратегией может стать внимание к раннему ценностному воспитанию на основании развития воли и самоконтроля в структуре *внутреннего Другого*.

Ключевые слова: противодействие коррупции, поступок, *внутренний Другой*, экзистенциальные основания, страх, способ бытия, культурные различия, русский менталитет, воля и самоконтроль, ценностное воспитание.

За несколько провокационным названием данной статьи стоит попытка разобраться в том, *что* в человеческом существе на самом глубинном уровне способно противостоять совершенную различных неприемлемых поступков в целом и коррупционным соблазнам в частности. Можно ли выделить те или иные основания, исходя из которых реальный человек сам себе не будет позволять действовать противоправно? И почему же в нашем отечестве, в культуре которого заложен огромный нравственный потенциал, коррупция столь повсеместна?

Поскольку человек в своих поступках ориентируется не только на внешние предписания (закон, мораль), а последним рубежом, на котором принимается решение, является его собственная система нравственных и ценностных идеалов, продуктивной представляется обратиться к исследованию *экзистенциального уровня* совершения выбора. Под экзистенциальным уровнем в данном случае предлагается вслед за П. Тиллихом понимать «в отличие от просто теоретической или беспристрастной ... позиции вовлеченности. В этом смысле “экзистенциальную” позицию можно определить как позицию соучастия индивида – всем его существованием – в ситуации... А ситуация подразумевает временные, пространственные, исторические, психологические, социальные, биологические условия. Ситуация включает также конечную свободу индивида, которая позволяет ему реагировать на эти условия, изменяя их» (Тиллих 2011: 154). Такая трактовка помогает, с одной стороны, разобраться в фундаментальных «движущих силах» человеческого поступка (страхе и противопоставляемом ему способе бытия, по Тиллиху) и, с другой стороны, наметить основания, в силу которых различаются эти способы бытия, «вовлеченного соучастия» (соответственно идеалы и нормы поведения, этические и аксиологические коды) в различных социокультурных ситуациях.

Хотя, безусловно, неправомерно абсолютизировать культурные особенности и идеализировать образы представителей тех или иных цивилизаций (Мартьянов, Фишман 2006), все же нельзя не обратить внимание на *специфику коррупции в разных*

странах. При всех ее общих истоках (лат. *corruptio* – подкуп, порча, растление, разложение) коррупция может поражать отдельные или все сферы общественной жизни, существовать в традиционной или иллегальной, узаконенной де-факто, формах, распространяться в «верхах» власти или на всех ее уровнях, пресекаться универсальными политико-правовыми средствами или приобретать иммунитет к институциональным решениям и т.д. Так, поскольку в России противодействие коррупции провозглашается одним из наиболее актуальных направлений государственной политики (Стратегия... 2009), научный интерес представляет раскрытие национальных черт и оснований существования коррупции, что, по всей видимости, невозможно осуществить в полной мере без обращения к уровню личностного переживания выбора и совершения поступка.

Литературный обзор. Пожалуй, первым и ключевым моментом исследований, посвященных противодействию коррупции, является проблема определения данного феномена. Очевидно, для того чтобы выстроить четкую схему преодоления коррупционного поведения, нужно ясно понимать, с чем именно планируется бороться. Плюрализм дефиниций обнаруживается не только в различных юридических источниках, трактующих коррупцию узко (как подкуп должностных лиц) или широко (как злоупотребление властными полномочиями в личных или групповых целях в ущерб общественным) (Гилева, Реснянский 2015: 77-79). В рамках философского, социологического, политологического осмысления ведутся дискуссии о том, самостоятельный ли статус имеет коррупция или должна быть рассмотрена через призму другого феномена (например, конфликта (Алейников и др. 2017)), чем отличается коррупция в той или иной отрасли (Макарова, Вахрушев 2014; Пандере 2015; Chattopdhyay 2013), каков субъект коррупционной деятельности (индивидуальный или групповой) (Вахрушев 2013; Оболкина 2014; Roberts 2015) и т.д. Несмотря на то что коррупция имеет специфические черты в различных сферах человеческой деятельности (в науке, образовании, медицине, военном деле, государственном управлении и т.д.), для целостного понимания данного феномена необходимо выделить его неизменное ядро и *противостоять не конкретным проявлениям, но фундаментальным основаниям его возникновения.*

В рамках данного исследования коррупцию предлагается понимать в самом широком смысле – как *феномен несправедливого функционирования систем общественно-государственного управления и обеспечения*, противоречащего законодательству и моральным установкам и предполагающего «возможность госслужащих и иных должностных лиц, включая негосударственный сектор, злоупотреблять должностным положением, государственными, общественными и корпоративными ресурсами, полномочиями и статусами для своих частных выгод и удовлетворения интересов третьих лиц» (Мартьянов 2014: 109). Безусловно, согласно такой трактовке коррупция представляет собой групповое явление (Оболкина 2014) и распространяется в большей или меньшей степени в рамках определенным образом структурированных социальных связей (Луныков 2014). Однако какой бы ни была «среда» и как бы участники социальной коммуникации ни трансформировали аксиологические коды (Оболкина 2014: 138), поступок (акт, действие) совершает в конечном счете каждый отдельный человек. Именно во «внутреннем» измерении происходят взвешивание ситуации, соотнесение задаваемых средой ориентиров со своими собственными основаниями, осмысление возможных последствий в зависимости от сделанного выбора. Или же, напротив, такого осмысления не происходит; тогда человек, не сформировавший собственного нравственного стержня и при этом интуитивно чувствующий защищенность в рамках группы, по меркам которой он себя идентифицирует, демонстрирует конформное поведение в соответствующей среде. Так или иначе, нельзя сбрасывать со счетов ни социальный контекст, задающий конкретные условия для совершения поступка, ни личностное измерение, в котором в зависимости от собственных оснований делается выбор. Поэтому, безусловно, и способы противодействия коррупции должны осуществляться в комплексе – как с морально-ценностной, так и с институционально-правовой сторон (Мартьянов 2014).

Тем не менее такие фундаментальные для принятия решений моменты, как страх, переживание фактичности определенной ситуации, осмысление и поступок, имеют место целиком и полностью на индивидуальном уровне. При этом, несмотря на то что феномен коррупции уже изучался с различных позиций в терминах страха (Оболкина 2016), нравственности

(Мирошниченко 2010; Шекультиров 2011), ответственности (Александрова, Виссаров 2016) и аксиологических установок индивида (Стукова 2014), несомненно необходима необходимость нового исследования, предлагающего *целостный взгляд на специфику и способы формирования глубинных личностных оснований, которые бы делали коррупционное поведение внутренне абсолютно недопустимым для человека*. Таким образом, в целях поиска надежных оснований для противодействия коррупции в качестве одной из возможных стратегий представляется актуальным детально исследовать именно экзистенциальные условия, при которых происходят принятие или непринятие отдельным человеком «норм» коррупционного поведения.

Экзистенциальные основания поступка. Какое бы определение коррупции мы ни рассматривали, данный феномен классифицируется как противоправный или как минимум этически осуждаемый. В связи с этим попробуем, прежде всего, начать с вопроса о том, почему люди совершают противоправные и этически недопустимые действия вообще? Важнейшей в данном отношении представляется *категория поступка*, рассматриваемая не только в этическом аспекте «хорошего-плохого», но и в качестве экзистенциальной характеристики человеческого бытия. Поступок не тождественен действию: с одной стороны, и бездействие, и отказ от совершения выбора являются поступками (Сартр 1989), с другой – не все действия суть поступки. Например, если человек просто идет «из пункта А в пункт Б», он осуществляет действие передвижения. Если же человек идет, скажем, навестить родственника, помочь другу или уходит, разрывая связи с кем-то, то это уже не просто физическое действие вроде расчесывания волос или употребления пищи, но совершение поступка. Так, поступок в онтологическом смысле отличается от действия тем, что совершается всегда *перед лицом Другого*, затрагивает бытие Другого, а значит, выступает основанием, которое формирует реальность человеческих отношений (Черняк 2016).

Безусловно, в подобном контексте под категорию поступка попадают и мысль, и слово, и внутренняя работа человека над собой, как и отказ от нее. К примеру, принятие для себя какого-то запрета (от употребления вредной для здоровья пищи до проявления излишних эмоций), что конечно же тренирует волю, терпение, сдержанность и т.д., косвенно влияет на

отношения с другими людьми. Это влияние может быть и более прямым – в условиях той же коррупционной среды, когда человек решает внутренне противостоять и, скажем, принципиально не брать взятки и хотя бы в рамках собственных полномочий пресекать поступающие к нему предложения такого рода. Тогда возникает вопрос: перед лицом какого Другого совершаются поступки, коль скоро они не обязательно напрямую затрагивают конкретного другого человека, лишь вторично отражаясь в сфере человеческих отношений? Очевидно, что если поступок возможен по отношению к себе, то делается он перед лицом себя как Другого – *внутреннего Другого*.

Что это за *внутренний Другой* и откуда он в каждом человеке? С психологической точки зрения структура Другого и человеческая система восприятия (в том числе, восприятия другого человека не в качестве положения вещей, но именно как другого мира) формируются на ранних стадиях развития человека, в период 6-18 месяцев (так называемая, «стадия зеркала»), и результируются в открытии пространства Воображаемого (Лакан 2009: 70; Делез 2011). Инициация заложенной в каждого способности к восприятию Другого и воображению того, что непосредственно не дано «здесь и сейчас», происходит лишь в среде человеческого общения и человеческих отношений (это доказывают, в частности, случаи «детей Маугли», с младенчества выращенных животными, у которых после 1,5 лет уже невозможно сформировать человеческую систему восприятия). Воспитываясь среди других людей, каждый ребенок в пределе перенимает через язык категории *различия, границы и иного* как такового, постепенно выделяя себя из мира и научаясь выстраивать свое поведение по отношению к окружающим.

В экзистенциальном плане различие с Другим переживается как невозможность быть «за» Другого в его «месте», ощущать и мыслить его способом. *Внутренний Другой* как некая инстанция со-отнесения своего и иного формируется из понимания внешнего Другого в качестве неподотчетного и неконтролируемого в собственном измерении, но с которым тем не менее имеет место совместное бытие и который, следовательно, своим существованием требует неизбежного выстраивания взаимных отношений. То есть Другой затрагивает каждого так, что в ответ на встреченную извне границу с целью преодоления фундаментальной

нехватки Другого и тревоги неполноты (Лакан 2010: 7) структура Другого как такового интериоризируется. Каждому известно явление «внутренней коммуникации», общения с самим собой, абсолютно невозможного, не будь в человеческом существе этого дублера-наблюдателя, который, например, винит за тот или иной поступок или оправдывает себя перед собой, требует отчета о причинах принятия того или иного жизненного решения, анализирует произошедшее с собой, планирует свои действия в будущем и т.д. Поэтому не будет ошибкой утверждать, что в конечном счете отчитываемся за свои поступки мы перед собой как Другим, с которым сопряжены такие феномены, как совесть, самоконтроль, Сверх-Я, «внутренний закон» и т.д.

Отсюда следует, что *фундаментальной* гарантией несовершенства противоправных и этически недопустимых поступков способны выступать не столько внешние предписания и средства контроля их выполнения, сколько «внутренний закон» и «внутренний наблюдатель». Внешние требования всегда можно обойти, в любой формулировке – найти лазейку, с любым внешним Другим – договориться, чем, собственно, и пользуются те же коррупционеры. Однако если у человека развита внутренняя контролирующая инстанция, то работает она гораздо продуктивнее, поскольку от *внутреннего Другого* не отделаться, не отгородиться, не сбежать, как это можно сделать физически по отношению к другим людям. *Внутренний Другой* постоянно наблюдает, способен бесконечно осуждать, куда бы ни пытался скрыться и каким бы занятием ни пытался отвлечься человек, совершивший проступок и чувствующий вину. Имея в виду столь нежелательные для себя последствия, более страшные в силу их внутренней неизбежности, чем любое чисто внешнее наказание, человек формирует свой «внутренний закон» несовершенства поступков, за которые он будет себя винить. В обычных жизненных ситуациях мы не вспоминаем каждый раз и можем даже не знать юридические формулировки законов из нормативных документов; прежде всего, в нас срабатывает (причем зачастую неосознанно, автоматически) «внутренний закон», как бы примеривающий возможные последствия к конкретной сложившейся ситуации.

Как метафорически показывает М.К. Мамардашвили, данный «внутренний закон» должен быть настолько жестко

«выкристаллизован» в людях, чтобы даже в условиях окружающего общества, пребывающего в состоянии «желе» (несформированности социальных механизмов контроля), у человека были надежные внутренние основания «поступать по совести»: «Если произвольным действием пытаться заставить человека сделать подлость, то воздействие извне на эту систему натолкнется на кристаллическую решетку налично существующей личностной структуры. “Простите, не могу, честь не позволяет”» (Мамардашвили 2009: 79). Несмотря на интуитивную понятность данного положения и на само собой разумеющееся согласие с тем, что так действительно должно быть, возникает ряд закономерных вопросов. Как такой «внутренний закон» формируется? Почему он оказывается действенным далеко не для всех людей, многие из которых «нормальные, и порядочные, и соображающие люди» (Мамардашвили 2009: 186)? И как можно способствовать укреплению внутреннего контроля совершения противоправных поступков?

«Не-возможность» и «действительность» коррупции в отечественном менталитете. То, что людьми движут *страхи и влечения*, известно давно, однако именно исследователями последнего столетия указанные феномены были детально изучены в философском и психологическом ключе. Первым экзистенциальным основанием, на котором строится способ бытия каждого человека, является фундаментальная «тревога небытия» (Тиллих 2011), которая, рождаясь первоначально из осознания ребенком страха собственной конечности, обязательно в ходе взросления принимает форму именно боязни умереть. Скорее она для каждого человека отождествляется с тем, что «страшнее смерти», – угрозой бессмысленности, безосновности, хаоса, неполноты, ненастоящести, необеспеченности и т.д. собственного существования. Естественное для каждого фундаментальное влечение к полноте, целостности, исполненности собственной жизни тогда реализуется человеком как некий ответ на встречаемую в своей экзистенциальной ситуации определенную форму угрозы небытия.

К примеру, если для кого-то хаос «страшнее смерти», то такой человек будет стремиться во всей своей жизни к систематизации, «правильному», с его точки зрения, порядку, рациональной организации всего вокруг. Или, допустим, в

противоположность переживанию тревоги небытия в форме необеспеченности выстраивается способ бытия планирующий и рассчитывающий, нацеленный на заботу о доме и теле, старающийся найти и утвердить гарантированные основания своего существования. Как представляется, для отечественной культуры характерна тенденция фундаментальным образом бояться остаться без дела и, в частности, не совершить должный поступок, поэтому зачастую даже в условиях нелюбимой и не приносящей смысла работы многие «имитируют бурную деятельность», а неписанные законы взаимовыручки, сострадания, прощения и т.д. руководят человеческими отношениями даже в тех ситуациях, где юридически предписано иное. При этом люди, боящиеся остаться без должного дела, вполне спокойно переносят окружающие их необеспеченность, неупорядоченность, парадоксальность, поскольку противостоять таким страхам для них не является основной экзистенциальной задачей. И, напротив, для переживающих угрозу хаоса важнее мыслится действовать, прежде всего, рационально и упорядоченно, нежели безрассудно и без очевидных «выигрышей» для себя, но зато «по совести».

Безусловно, далеко не каждый человек рефлексивирует настолько глубоко, чтобы выйти к пониманию своей фундаментальной экзистенциальной тревоги. Однако ее форма усваивается с глубокого детства через родной язык, содержащий бытийные коды и онтологические интуиции соответствующей социокультурной локальности. И действуют в поступках человека рефлексивируемо или бессознательно, во многом именно усвоенные им формы своих экзистенциальных оснований – самый глубинный страх и противостоящий ему способ организации собственного бытия. Интериоризируются из языка вместе с интуитивным предпониманием бытия (того, что для человека значит «быть») и образ должного (как следует поступать, каким должен быть настоящий человек), и *внутренний Другой* – сложная структура рефлексии и соотнесения «себя настоящего» (пребывающего «здесь и сейчас») и «себя иного» (прошлого, будущего, должного, недопустимого, желаемого и т.д.).

Таким образом, в совокупности со спецификой формирования *внутреннего Другого* фундаментальные особенности нашего менталитета – готовность понять и простить, смире-

ние перед злом и несправедливостью, терпимость и принятие Другого, каким неприемлемым бы он ни был, отстраненное отношение к государственной власти и юридическому закону в стране и т.п. (См.: Бибихин 1998: 195-213; Седакова 2010) – объясняют многие социальные явления, в частности процветание коррупции. Если в массовом сознании в свете боязни поступить недолжным образом укреплена на интуитивном уровне уверенность, к примеру, в том, что *доносить – это «плохо», «безнравственно», «подло»* (Мамардашвили 1992: 373), то люди, даже не участвующие в коррупционных схемах, но знающие о них, систематически никуда ничего не сообщают о таких противоправных действиях, невольно способствуя их процветанию. И происходит это не потому, что эти люди недобросовестны, равнодушны или намеренно хотят способствовать коррупции, но, наоборот, из специфических, глубоко экзистенциально укорененных в каждом чувства смирения, нежелания судить Другого, потребности единения с другими, необходимости ко всем относиться по-доброму, особенно в кризисных ситуациях, жертвенности, жажды «правды», функционирующей по неписанным, но интуитивно схватываемым законам, и т.д. Такие интенции воспитываются с детства и психологически закладываются на бессознательном уровне самой культурной и языковой средой, в которой рождается человек.

Однако такие черты отечественной ментальности, как, например, хитрость и острый ум, не найдя себе применения в смыслосложившемся занятии, в результате оборачиваются против «сил зла», которые не позволяют человеку самореализоваться и исполниться в сложившихся условиях. Тут на вечные русские вопросы «кто виноват?» и «что делать?» ответы рождаются автоматически. Для отечественного обывателя в силу обозначенных выше экзистенциальных особенностей (и, в частности, понимания, что «идеальной» власти на Земле быть не может – «рай на Земле не построить») естественно винить в своих бедах «несовершенные» государство и власть, которые не могут, дескать, организовать как следует социальный порядок, а значит, именно *существующие структуры государственного управления отождествляются со злом и несправедливостью*. Напрямую так мыслящий русский человек не видит, как противостоять ощущаемой неустроенности и как он может себя применить, чтобы

изменить ситуацию. Поэтому, возможно, в ход идут хитрость и смекалка, расходуемые не на добрые в прямом смысле слова дела, а на то, чтобы обмануть это самое «государство», у него украсть, ему подпакостить, «наказав» его таким образом. Подобной логике, безусловно, способствует и незримая среда неписанных законов, в которой «все друг другу подмигивают».

Большинству, к сожалению, лень и некомфортно решаться на трудное дело осмысления этого фундаментального *парадокса*: «государство плохое» не потому, что там, «наверху», не могут организовать все «по-нормальному», а по причине того, что в нем действуют такие люди, исходя из собственных неправомερных и искаженных представлений о должном, добре, справедливости и т.д. Порочный круг замыкается на том, что гораздо удобнее имитировать деятельность вместо реального выполнения должностных обязанностей, а в случае низкой зарплаты еще и подворовывать у этого «несправедливого государства». При этом *внутренний Другой* у подобных индивидов действительно *оправдывает* их поведение. Ведь, коль скоро зло и несправедливость оказываются противоположным по отношению к себе полюсом государственных структур, на экзистенциальном уровне происходит закономерное следование логике «борьбы за добро и справедливость» имманентными своей культуре средствами смекалки, хитрости, верткости и т.п. Остальные же, более порядочные, люди с противоправными действиями коллег и недобросовестно оказывающих услуги работников просто-напросто смиряются, поскольку *на интуитивном уровне несправедливость «государства в целом» ощущается острее, чем масштаб несправедливости отдельного человеческого поступка, что побуждает «понять и простить» пытающегося нажать на «несправедливом» государстве каждого конкретного Другого.*

Напротив, эта логика абсолютно неприемлема в других культурах, где воспитываются и ценятся, в первую очередь, например, порядок и предпринимательская хватка, обеспечивающие комфорт и гарантированный доступ к материальным благам, и у человека формируется четкое осознание того, что порядок в обществе не налаживается «сверху» без его участия, но будет, только если все члены этого общества совершают усилия, соблюдая рационально принятый закон. Поэтому в такой системе возникает понимание того, что о противоправных дей-

ствиях нужно тут же сообщать в контролирующие инстанции. Естественно, какой-то процент недобросовестных, корыстных и просто преступных элементов существует в любом обществе, однако, к примеру, «западная» культура *на своих собственных онтологических основаниях органично сформировала механизмы контроля и управления* данными процессами. Но при этом с ее же позиции *неправомерным должно представляться требование к остальным культурам использовать такие же законы, схемы действий и механизмы контроля*. В целом в каждом случае и коррупция приобретает специфические для данного типа культуры черты, и меры противодействия, соответственно, срабатывают в разных культурах разные – потому что различны фундаментальные страхи, способы экзистенциального противостояния им, системы ценностей и воспитания.

Из сопоставления же различных оснований культур следует, прежде всего, вывод о том, что придуманные в иной экзистенциальной ситуации и действенные в ее рамках юридические законы, средства и способы противодействия коррупции *работать таким же образом у нас не будут и не могут*, поскольку выросли они на иной почве и соответствуют иному типу мировоззрения, менталитета и правосознания. Следовательно, для отечественной практики онтологически бессмысленным представляется бездумное копирование западной модели и насаждение чуждых отечественному способу бытия и мышления норм, механизмов и представлений. Вероятно, продуктивнее было бы самостоятельно «родить» законы, учитывающие особенности данной ментальности и тысячелетиями складывавшихся иных, по сравнению с западным пониманием, смыслов таких категорий, как закон, государство, власть, добро, зло, справедливость, несправедливость, порядок, должное, недопустимое и т.д. Приспособить законы к наличному обществу очевидно легче, нежели изменить эти на бессознательном уровне закладываемые самой культурой смыслы и ценности, что, в свою очередь, возможно только в случае изменения языка и тех экзистенциальных оснований, которыми нерелексируемо руководствуется в своих поступках наш «среднестатистический» соотечественник как представитель своей культуры. При этом речь вовсе не идет о том, чтобы потакать негативным чертам русского менталитета и подстраиваться под них, – напротив,

необходимо отталкиваться от них и их учитывать именно для того, чтобы тонко перенаправить ряд проблемных и деструктивных для общества моментов в продуктивное русло или хотя бы уравновесить их конструктивными процессами. И это вовсе не означает, что рожденные на собственной почве законы будут классифицированы мировым сообществом как нецивилизованные, нелиберальные, недемократичные и т.п. Работать с парадоксом нам тоже «дано», поэтому мы вполне способны в этих целях учесть как требования глобализации (Панкевич 2010), так и свою культурную специфику.

Несомненно, регулировать в соответствии с типом культуры следует не только законодательную базу, но и – что гораздо важнее – систему воспитания, которая в истории жизни каждого человека закладывает на начальных этапах его развития те самые экзистенциальные основания, в том числе невозможности коррупции. Акцент здесь необходимо сделать именно на *раннем семейном воспитании*, поскольку способ бытия каждого, характерные для каждого формы страхов и стремлений, а также основания системы ценностей оформляются в первые годы жизни и сворачиваются на уровне бессознательного из культурных кодов той среды, в которой воспитывается человек. Безусловно, последующее обучение, развитие и воспитание должны продолжать эту линию, поскольку «люди по большей части являются продуктом своего образования» (Махін 2017). В связи с данными особенностями продуктивным для противодействия коррупции видится, прежде всего, создание механизмов *воли и самоконтроля* на экзистенциальном уровне. Это предполагает, что в человеке должно быть сформировано такое основание, которое настолько перевешивает все его возможные желания, порывы, тягу к наслаждению, удовольствию и т.д., что, даже когда ему озвучивают заманчивое, но влекущее за собой преступление закона предложение, в нем бы автоматически сработывал барьер.

* * *

Обобщая проведенное исследование, можно предположить, что поскольку экзистенциальные основания в форме фундаментальной тревоги, способа бытия вопреки ей и структура *внутреннего Другого*, а также способности к рефлексии и критическому осмыслению, важные для волевого противостоя-

ния соблазнам получения выгоды от морально и юридически недопустимых поступков, во многом формируются в первые годы жизни человека благодаря погруженности в среду определенных языка, культуры, взаимоотношений окружающих людей, в целях противодействия таким феноменам, как коррупция, огромное внимание необходимо уделять раннему семейному воспитанию, а затем и качественному образованию на дальнейших этапах развития личности. Безусловно, наряду с ценностным воспитанием должны осуществляться трансформации законодательной базы, институтов контроля, способов организации процедуры обращения граждан в государственные и социальные службы – причем в сообразном основаниям культуры плане. Но еще раз подчеркнем, что помимо юридических и институциональных решений, которые, несомненно, помогают нормализовать взаимодействие общества и структур власти, не менее значимую работу следует осуществлять в области долгосрочной образовательной политики, учитывающей экзистенциальные основания и психологические особенности носителей соответствующего типа культуры. Как представляется, в этом ключе необходимо сделать упор на следующие аспекты и возможные пути воплощения «рекомендаций» по ценностному, и в частности антикоррупционному, воспитанию.

1. На самом глубоком уровне это возможно через воспитание *осмысления, рефлексии* каждого своего поступка, взвешивания его во «внутреннем» пространстве самого фундаментального страха и самого фундаментального ответа-противостояния ему. Ведь множество проблем с самоконтролем и внутренней оценкой собственных действий имеет место по причине того, что люди недостаточно осознают и не осмысливают нависающие над ними в ходе совершения поступка угрозы, не переживают их как глубоко затрагивающие их существо и не находят для себя наслаждение в удовлетворении более высокой потребности нравственного уважения к себе в противоположность удовлетворению более низменных желаний. Каким конкретно образом можно воспитать рефлексивную установку? Возможно, на всех уровнях образования – от дошкольного до послевузовского – следует вводить больше творческих заданий, инновационных педагогических технологий, которые наряду с традиционным обучением, носящим репродуктивный характер, включали бы

активные и интерактивные формы освоения материала, развивающие коммуникативные, критические и креативные компетенции, ответственные за формирование самостоятельности мышления и поступков.

2. На языковом уровне этому должно в комплексе сопутствовать перемещение содержательных полюсов «плохого» и «хорошего», «справедливого» и «несправедливого» *внутрь Я* из пространства между *Я* и внешними структурами, институциями и людьми. Это означает, что в противоположную крайность перематчивания на однозначно «положительный» образ государства тоже впадать не следует, тем более что рано или поздно он обнаружит свою искусственность. Как представляется, в отечественной культуре, чуткой к парадоксу, все в итоге и должно решаться через работу с ним: неправильно, что «хорошие» я, моя партия, моя страна и т.д., а все другие «плохие»; «хорошее» и «плохое» равным образом и во мне, и в каждом – и именно поэтому настоящий выбор за мной и за каждым (поспеить навесить ярлычки или совершить усилие осмысления того, как все на самом деле есть, должно быть и как поступить) (Бибахин 2012). Так, если продолжить попытки формулирования рекомендаций по конкретным путям воплощения данных «советов», то в рамках опять же воспитания на всех ступенях развития продуктивным видится, например, введение игровых методов обучения, в которых тренировались бы способности самостоятельного разрешения этически затруднительных и логически парадоксальных ситуаций. К примеру, игры-дискуссии, дебаты, имитации судебного заседания или случаев обращения граждан в госструктуры, с одной стороны, дают возможность учащимся «примерить» на себя различные социальные роли и дарят уникальный опыт живого взаимодействия, совместного решения нестандартных ситуаций, а с другой – способствуют развитию умений формулировать и аргументировать собственную позицию, выслушивать и оценивать альтернативные точки зрения, искать надежные опоры для совершения собственного выбора и поступка. Кроме того, в обучении необходимо задействовать и контекстуальную среду, и тексты, расставляющие ценностные и этические акценты, разработкой которых должны заниматься специалисты по нейролингвистическому программированию, анализу контекстуальности и дискурсивных практик.

3. Наконец, на психологическом уровне способствовать укреплению самоконтроля и его содержательно адекватному функционированию можно лишь путем тщательного воспитания, тренировки воли и создания целостной комплексно работающей системы *по оси «страх – противостоящее ему влечение»*. Как именно это можно делать? Существует широчайший спектр педагогических приемов для воспитания ответственности, внимательности, рефлексивности, силы воли, мужества, решимости и т.д. – от систематических спортивных тренировок с ориентацией на достижение определенных индивидуально значимых результатов до показывания примеров как высоко нравственного, так и морально недопустимого поведения из отечественных истории и социальной жизни с последующим обсуждением и критическим оцениванием. В рамках такого воспитания можно демонстрировать и выгоды от высоко нравственного, волевого поведения, показывая спектр возможностей, которые при этом человек личность для себя открывает, и негативные последствия в случаях аморального или противоправного поступков, которые бы перевешивали любые материальные и нематериальные выгоды.

Таким образом, воспитание в идеале должно включать не просто передачу информации о том, как поступать «хорошо», как – «плохо» и почему, но и положительную и отрицательную мотивацию (основанную на влечении к благу для себя и на страхе перед негативным для себя эффектом соответственно), а также формирование волевого и продуктивно контролирующего поступки *внутреннего Другого*. Безусловно, достичь этого на всех этапах воспитания личности – задача сложная и долгосрочная, возможная только в свете осознания ответственности за возвращение нового поколения как в семье, так и в системе образования. В свою очередь, высокого уровня такой осознанности можно добиваться различными способами – от введения в телепрограммы передач и сериалов о должном воспитании (прежде всего, семейном, дошкольном и школьном) и своевременного всестороннего повышения квалификации преподавателей до существенного расширения спектра государственных и волонтерских программ и мероприятий социального содействия успешному воспитанию и развитию молодого поколения.

Материал поступил в редколлегию 22.10.2018 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алейников А.В., Газимагомедов Г.Г., Стребков А.И. 2017. «Хирургия» и «терапия» коррупции: конфликтологическое измерение // Вестн. Санкт-Петербург. гос. ун-та. Философия и конфликтология. Т. 33, вып. 4. С. 528-540. Doi: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu17.2017.411>

Александрова О.Н., Виссаров А.В. 2016. Ответственность как мера, направленная на противодействие коррупции // Марийский юрид. вестн. № 1 (16). С. 12-14.

Бибихин В.В. 1998. Узнай себя. СПб. : Наука. 577 с. (Слово о сущем).

Бибихин В.В. 2012. Собственность. Философия своего. СПб. : Наука. 536 с.

Вахрушев Р.В. 2013. Социологический смысл коррупции: субъекты и нормативная система // Теория и практика обществ. развития. № 9. С. 87-91.

Гилева К.В., Реснянский К.Н. 2015. Коррупция: понятие и меры борьбы (социально-политический анализ) // Современ. тенденции развития науки и технологий. № 2-4. С. 77-80.

Делез Ж. 2011. Мишель Турнье и мир без другого // Делез Ж. Логика смысла. М. : Акад. Проект. С. 395-421.

Лакан Ж. 2009. «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа (Семинар. Кн. 2. 1954-1955). М. : Гнозис. 520 с.

Лакан Ж. 2010. Тревога (Семинар. Кн. 10 (1962-1963)). М. : Гнозис : Логос. 424 с.

Луньков А.С. 2014. Коррупция в социальных институтах разного типа. Социально-философский анализ // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции: сб. тр. по итогам Всерос. науч. конф. / отв. ред. В.Н. Руденко. Екатеринбург : УрО РАН. С. 216-222.

Макарова М.Н., Вахрушев Р.В. 2014. Коррупция в высшем образовании и академическая этика // Высш. образование в России. № 12. С. 55-63.

Мамардашвили М.К. 1992. Философия и свобода // Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. 2-е изд., изм. и доп. М. : Издат. гр. «Прогресс» «Культура». С. 365-374.

Мамардашвили М.К. 2009. Опыт физической метафизики. М. : Прогресс-Традиция. 304 с.

Мартыанов В.С. 2014. Модернизация морально-политических и правовых регуляторов как способ противодействия коррупции // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. Т. 14, вып. 2. С. 108-140.

Мартыанов В.С., Фишман Л.Г. 2006. Моральный тупик цивилизационной парадигмы // Полития. № 4 (43). С. 72-87.

Мирошниченко Д.В. 2010. Коррупция в структуре моделей нравственного поведения // Актуал. проблемы экономики и права. № 4. С. 116-119.

Оболкина С.В. 2014. Субъект коррупционной практики и аксиологическое кодирование // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции: сб. тр. по итогам Всерос. науч. конф. / отв. ред. В.Н. Руденко. Екатеринбург : УрО РАН. С. 134-140.

Оболкина С.В. 2016. Коррупция и «механизмы» повседневности // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Рос-

сийской Федерации в области противодействия коррупции: сб. тр. по итогам Второй Всерос. науч. конф. с междунар. участием / отв. ред. В.Н. Руденко. Екатеринбург : УрО РАН. С. 71-78.

Пандере Д.З. 2015. Формирование антикоррупционной компетенции врача-эксперта в сфере дальнейшего образования // Современ. тенденции развития науки и технологий. № 2-5. С. 124-127.

Панкевич Н.В. 2010. Взаимодействие и трансформация правовых систем в процессе глобализации // Полит. экспертиза : ПОЛИТЭК. Т. 6, № 3. С. 115-132.

Сартр Ж.-П. 1989. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. Ф. Ницше, Э. Фрейд, Э. Фромм, А. Камю, Ж.-П. Сартр / сост. А. Яковлев. М. : Политиздат. С. 319-344.

Седакова О.А. 2010. «Нет худа без добра». О некоторых особенностях отношения к злу в русской традиции // Седакова О.А. Четыре тома. М. : Рус. фонд содействия образованию и науке. Т. 4: Moralia. С. 430-452.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года [Электронный ресурс]. 13 мая 2009. URL: <http://kremlin.ru/supplement/424> (дата обращения: 16.11.2018).

Стукова О.В. 2014. Социальная технология предотвращения коррупции: отбор кадров с учетом ценностного уровня // Социал. политика и социология. Т. 2, № 4, ч. 1. С. 337-343.

Тиллих П. 2011. Мужество быть. М. : Модерн. 240 с.

Черняк А.А. 2016. Проблема реальности как основания поступка: экзистенциально-феноменологический подход : дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург. 136 с.

Шекультиров Б.И. 2011. Коррупция в России: право, власть и нравственность // Вестн. Адыгей. гос. ун-та. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. № 4. С. 226-233.

Chattopdhyay S. 2013. Corruption in healthcare and medicine: Why should physicians and bioethicists care and what should they do? [Электронный ресурс] // Indian Journal of Medical Ethics. Vol. 10, № 3. URL: <http://ijme.in/articles/corruption-in-healthcare-and-medicine-why-should-physicians-and-bioethicists-care-and-what-should-they-do?galley=html> (дата обращения: 06.09.2018). DOI: <https://doi.org/10.20529/IJME.2013.049>

Maxim S.T. 2017. Is Corruption an Inevitable Social Phenomenon in a Changing Society? // Postmodern Openings. Vol. 8, № 1. P. 33-39. DOI: <http://dx.doi.org/10.18662/po/2017.0801.03>

Roberts J. 2015. The 'subject' of corruption // Critical Perspectives on Accounting. Vol. 28. P. 82-88. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cpa.2015.01.010>.

Ekaterina V. Biricheva, Candidate of Philosophy, Researcher, Sector of History and Philosophy of Science, Lecturer, Chair of Philosophy, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia. E-mail: e.v.biricheva@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-1933-995

EXISTENTIAL GROUNDS FOR IMPOSSIBILITY OF CORRUPTION

Abstract. The article studies the question of fundamental grounds, which might have become a reliable support for opposing the phenomenon of corruption. Existential level is offered as an optics for dealing with acts, making decisions, and choices due to their localization in the personal space of axiological reference points, and of individual ethical demands. Meaning a kind of co-relating structure of the human perception, which is responsible for reflection, in general, and for evaluation of the own acts, in particular, the notion of “inner Other” is used in order to analyze causes of unlawful and ethically unacceptable acts. Further, the article poses questions on the mechanisms of working of this inner instance of control, the causes for ineffectiveness of such structure in some cases, and the ways of its productive stimulation. The type of “inner Other” and the way of being are discovered in the light of the ultimate existential grounds, which differ in different cultures. Through comprehending the features of experiencing the threat of non-being, and the way of existential opposing to in the Russian culture, conclusion is made about fundamental differences in the grounds of cultural traditions in the field of socially significant actions. In this regard, the next question concerning the “birth” of laws arises, which might be immanent to the domestic culture in opposition to copying western norms. Deep mechanisms as conditions of corruption proliferation on the Russian ground due to the possibility for shifting axiological “magnetic poles” of its cultural codes are revealed. Due to the assimilating these codes through the language and sociocultural relations in the childhood, the most productive, though long-term strategy is proposed in the sphere of early axiological education, based on the development of will and self-control within the structure of “inner Other”.

Keywords: anti-corruption; act; inner Other; existential grounds; fear; way of being; cultural differences; Russian mentality; will and self-control; axiological education.

References

Aleksandrova O.N., Vissarov A.V. *Otvetstvennost' kak mera, napravlenneya na protivodeystvie korruptsii* [Responsibility as a measure aimed at combating corruption], *Mariyskiy yuridicheskiy vestnik*, 2016, no. 1 (16), pp. 12-14. (in Russ.).

Aleynikov A.V., Gazimagomedov G.G., Strebkov A.I. «*Khirurgiya*» i «*terapiya*» korruptsii: konfliktologicheskoe izmerenie [“Surgery” and “therapy” of corruption: The conflict studies dimension], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya*, 2017, vol. 33, iss. 4, pp. 528-540. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu17.2017.411> (in Russ.).

Bibikhin V.V. *Sobstvennost'. Filosofiya svoego* [Property. Philosophy of “the own”], St. Petersburg, Nauka, 2012, 536 p. (in Russ.).

Bibikhin V.V. *Uznay sebya* [Know thyself], St. Petersburg, Nauka, 1998, 577 p. (in Russ.).

Chattopdhyay S. Corruption in healthcare and medicine: Why should physicians and bioethicists care and what should they do? *Indian Journal of Medical Ethics*, 2013, vol. 10, no. 3, available at: <http://ijme.in/articles/corruption-in-healthcare-and-medicine-why-should-physicians-and-bioethicists-care-and-what-should-they-do?galley=html> (accessed September 06, 2018). DOI: <https://doi.org/10.20529/IJME.2013.049>

Chernyak A.A. *Problema real'nosti kak osnovaniya postupka: ekzistentsial'no-fenomenologicheskii podkhod : dis.... kand. filoz. nauk* [The problem of reality as a ground for the act: Existential-phenomenological approach: dissertation], Ekaterinburg, 2016, 136 p. (in Russ.).

Deleuze G. *Mishel' Turn'e i mir bez drugogo* [Michael Tournier and the world without the Other], *Delez Zh. Logika smysla*, Moscow, Akad. Proekt, 2011, pp. 395-421. (in Russ.).

Gileva K.V., Resnyanskiy K.N. *Korruptsiya: ponyatie i mery bor'by (sotsial'no-politicheskii analiz)* [Corruption: notion and means of resistance (social-political analysis)], *Sovremennye tendentsii razvitiya nauki i tekhnologii*, 2015, no. 2-4, pp. 77-80. (in Russ.).

Lacan J. «Ya» v teorii Freyda i v tekhnike psichoanaliza (*Seminar. Kn. 2. 1954-1955*) ["I" in Freud's theory and in psychoanalytical technique (*Seminar, B. 2. 1954-1955*)], Moscow, Gnozis, 2009, 520 p. (in Russ.).

Lacan J. *Trevoga (Seminar. Kn. 10 (1962-1963))* [Anxiety (*Seminar, B. 10. 1962-1963*)], Moscow, Gnozis, Logos, 2010, 424 p. (in Russ.).

Lunkov A.S. *Korruptsiya v sotsial'nykh institutakh raznogo tipa. Sotsial'no-filosofskii analiz* [Corruption in social institutions of various types: Socio-philosophical analysis], *Rudenko V.N. (ed.) Aktual'nye problemy nauchnogo obespecheniya gosudarstvennoy politiki Rossiyskoy Federatsii v oblasti protivodeystviya korruptsii: sb. tr. po itogam Vseros. nauch. konf.*, Ekaterinburg, UrO RAN, 2014, pp. 216-222. (in Russ.).

Makarova M.N., Vakhrushev R.V. *Korruptsiya v vysshem obrazovanii i akademicheskaya etika* [Anti-corruption policy in higher education and new academic ethics], *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 2014, no. 12, pp. 55-63. (in Russ.).

Mamardashvili M.K. *Filosofiya i svoboda* [Philosophy and freedom], *Mamardashvili M.K. Kak ya ponimayu filosofiyu*, 2nd ed., amend., augm., Moscow, Izdatel'skaya gruppa "Progress" "Kul'tura", 1992, pp. 365-374. (in Russ.).

Mamardashvili M.K. *Opyt fizicheskoy metafiziki* [The experience of the physical metaphysics], Moscow, Progress-Traditsiya, 2009, 304 p. (in Russ.).

Martyanov V.S. *Modernizatsiya moral'no-politicheskikh i pravovykh regulyatorov kak sposob protivodeystviya korruptsii* [Modernization of moral, political and legal regulators as a way of combating corruption], *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*, 2014, vol. 14, iss. 2, pp. 108-140. (in Russ.).

Martyanov V.S., Fishman L.G. *Moral'nyy tupik tsivilizatsionnoy paradigmy* [Moral dead end of the civilizational paradigm], *Politiya*, 2006, no. 4 (43), pp. 72-87. (in Russ.).

Maxim S.T. Is Corruption an Inevitable Social Phenomenon in a Changing Society? *Postmodern Openings*, 2017, vol. 8, no. 1, pp. 33-39. DOI: <http://dx.doi.org/10.18662/po/2017.0801.03>

Miroshnichenko D.V. *Korrupsiya v strukture modeley nravstvennogo povedeniya* [Corruption in structure of the moral behavior models], *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2010, no. 4, pp. 116-119. (in Russ.).

Obolkina S.V. *Korrupsiya i «mekhanizmy» povsednevnosti* [Corruption and everyday life "mechanisms"], Rudenko V.N. (ed.) *Aktual'nye problemy nauchnogo obespecheniya gosudarstvennoy politiki Rossiyskoy Federatsii v oblasti protivodeystviya korrupsii: sb. tr. po itogam Vtoroy Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem*, Ekaterinburg, UrO RAN, 2016, pp. 71-78. (in Russ.).

Obolkina S.V. *Sub'ekt korrupsionnoy praktiki i aksiologicheskoe kodirovanie* [Subject of corruption practice and axiological encoding], Rudenko V.N. (ed.) *Aktual'nye problemy nauchnogo obespecheniya gosudarstvennoy politiki Rossiyskoy Federatsii v oblasti protivodeystviya korrupsii: sb. tr. po itogam Vseros. nauch. konf.*, Ekaterinburg, UrO RAN, 2014, pp. 134-140. (in Russ.).

Pandere D.Z. *Formirovanie antikorrupsionnoy kompetentsii vracha-eksperta v sfere dal'neyshego obrazovaniya* [Forming of the anti-corruption competence of physician-expert within further education], *Sovremennyye tendentsii razvitiya nauki i tekhnologiy*, 2015, no. 2-5, pp. 124-127. (in Russ.).

Pankevich N.V. *Vzaimodeystvie i transformatsiya pravovykh sistem v protsesse globalizatsii* [Interaction and transformation of the law systems in the process of globalization], *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*, 2010, vol. 6, no. 3, pp. 115-132. (in Russ.).

Roberts J. The 'subject' of corruption, *Critical Perspectives on Accounting*, 2015, vol. 28, pp. 82-88. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cpa.2015.01.010>

Sartr J.-P. *Ekzistentsializm – eto gumanizm* [Existentialism is a humanism], Yakovlev A. (comp.) *Sumerki bogov. F. Nitsshe, Z. Freyd, E. Fromm, A. Kamyu, Zh.-P. Sartr*, Moscow, Politizdat, 1989, pp. 319-344. (in Russ.).

Sedakova O.A. «Net khuda bez dobra». *O nekotorykh osobennostyakh otnosheniya k zlu v russkoy traditsii* ["There is no evil without good". On some features of Russian attitude to evil], Sedakova O.A. *Chetyre toma*, Moscow, Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke, 2010, vol. 4, pp. 430-452. (in Russ.).

Shekul'tirov B.I. *Korrupsiya v Rossii: pravo, vlast' i nravstvennost'* [Corruption in Russia: the law, the power and morals], *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya*, 2011, no. 4, pp. 226-233. (in Russ.).

Strategiya natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii do 2020 goda [Strategy of the national security of the Russian Federation till 2020], May 13, 2009, available at: <http://kremlin.ru/supplement/424> (accessed November 16, 2018). (in Russ.).

Stukova O.V. *Sotsial'naya tekhnologiya predotvrashcheniya korrupsii: otbor kadrov s uchetom tsennostnogo urovnya* [Social technology of corruption prevention: Staff selection taking into account axiological level], *Sotsial'naya politika i sotsiologiya*, 2014, vol. 2, no. 4, pt. 1, pp. 337-343. (in Russ.).

Tillich P. *Muzhestvo byt'* [Courage to be], Moscow, Modern, 2011, 240 p. (in Russ.).

Vakhrushev R.V. *Sotsiologicheskyy smysl korrupsii: sub»ekty i normativnaya sistema* [Social meaning of the corruption: Subjects and a normative system], *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2013, no. 9, pp. 87-91. (in Russ.).